

Сева Алежин

ГРАНИ МИРА.
ФАБЕР

Сева Алежин
Грани мира Фабер

«Автор»

2026

Алежин С.

Грани мира Фабер / С. Алежин — «Автор», 2026

Сборник историй из одного мира, где каждый уголок хранит свои тайны. Здесь и серые улицы городских кварталов, и мрачные архивы, и шумные таверны, и неожиданные приключения в самых странных местах. Вас ждут ироничные наблюдения за повадками гоблинов, драматичные будни солдата, рискованные дела купцов, пугающие моменты в темноте и азартные погони по крышам города. Каждая история — отдельная грань мира Фабер. Смейтесь, переживайте, удивляйтесь и погружайтесь в атмосферу города, где магия, тайны и неожиданные встречи подстерегают за каждым углом.

© Алежин С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

А я говорю, переделай!	5
Взгляд тишины	9
В мире существ	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Сева Алежин Грани мира Фабер

А я говорю, переделай!

Багзар вернулся из погреба и установил новую бочку с элем на стойку.

– Вот и всё, эль снова на месте. Налетай, братва!

После его возгласа из-за столов к стойке потянулись клиенты всех возрастов.

– Да не толпитесь вы, эля, что ли, никогда не видали?

Толпа обступила стойку, и каждый ожидал своей очереди. Гул в заведении немного поднялся. Да и голоса стали куда веселее. По мере заполнения кружек наполнялся и зал. Народ громко обсуждал свои дневные успехи и тихо жаловался на упущения. В этом всеобщем гаме двери трактира снова открылись, и в зал скорее втекла, чем вошла, группа авантюристов. Засаленные плащи, грязь, налипшая на кожаные сапоги и присохшая к ним, на щите парня в кольчуге были сколы и трещины. Почти все они оставили плащи и лишнее снаряжение в кладовке у входа. Лица были все еще в пыли со следами наспех смытой сажи. Колючки в элементах одежды и тот факт, что парень со щитом так и не снял плащ, делали их ситуацию еще любопытнее. Медленной походкой они отправились к крайнему столу. Шаги были вялыми, руки безвольно висели вдоль тела, головы почти лежали на груди. Шаркая ногами, они дошли и рухнули за стол. Их соседи, посмотрев на них, даже шуметь стали тише.

– Ааааа. Я, кажется, всё... – выдохнул тощий парень, стягивая койф с головы.

– Да, – коротко ответил здоровяк в кожаном доспехе, прожжённом на спине.

– Ой, да ладно вам. Изображаете тут умирающих. С василиском было похуже. А тут всего лишь цветан, – преувеличенно бодро и громко выкрикнула девица в мантии мага.

– Маса, да ты знаешь, куда!?! Не тебя его стебли... ой, всё, – вскрикнул парнишка в кольчужном доспехе и плаще. Но, не закончив, просто махнул рукой.

И снова над столом повисла тишина. Группа смотрела на стол опустошённым взглядом. Но вдруг их уныние разорвала особа, бесцеремонно ворвавшаяся в их крепость уныния.

– О! Рада снова вас видеть. Заказывать что-нибудь будете? Открою вам секрет, наш повар сегодня особенно постарался. А для вас у нас даже имеется свежий кабан! – пышная девица в переднике так быстро произносила слова, что половину текста они даже не сразу поняли.

– А, Криса. Принеси нам с парнями немного вашего фирменного эля. У нас выдался крайне дурацкий день. Сначала нам надо прийти в себя, – заявил ей парень в доспехах.

– А мне сидр, пожалуйста, – приподняв руку над столом, проговорила маг, не отрывая лба от стола.

– Что вы сказали, госпожа Миса? Я вас не расслышала.

– Сидра мне принеси! – чуть громче сказала магиня, слегка приподняв голову и снова роняя её на стол.

– Одну минуточку. Сейчас принесу.

И снова тишина. Фигуры даже стали будто бы растекаться на лавках. Глядя на них, соседи подумали, что это не люди, а оплывающие свечи. Но быстро забыли про них и продолжили веселиться.

– И он вонзил копьё своё... – пробилось сквозь гул пение барда. – И пал грифон на поле том... – немного фальшивые звуки лиры вплетались в его песнь.

Хрясь, буц! За два стола от приключенцев пара мужиков что-то не поделила, и с громким воплем – «Да я тебя щааа!» – один завсегдагой разбил деревянную кружку о лоб другого. Началась потасовка, но вдруг шторка, ведущая на кухню, поднялась, и в зал шагнул громила.

Здоровенный и волосатый, в руках он держал мокрую тряпку. Зал резко притих. Лютня звякнула высокой нотой и тоже умолкла.

– ХТО? ШУМИТ? – отрывисто и басом спросил здоровяк. После каждого слова он делал громкий вдох.

– Не, не. Мы просто развлекаемся. Правда ведь, Грабт? – пролепетал мужик, который затеял драку.

– Точно, точно! Мы просто немного увлеклись, – ответил второй, по лбу которого до сих пор стекала пивная пена.

– ГЛЯДИТЕ. МНЕ. ТУТ. – вновь пробасила громада и бочком протиснулась в кухонную дверь.

Зал облегчённо выдохнул. Выдох был такой слитный, что даже получился лёгкий сквозняк.

– Кто это? Вышибала? – шёпотом спросил молодой парнишка соседа.

– Да ты чё. Это Гр Хм. Горный тролль. Его сюда хозяин посудомойщиком устроил. Котлы мыть. Зачем тут вышибала, если есть Гр Хм? – ответил ему сосед.

– Действительно, – проговорил парень и потянул своё пиво из кружки.

И снова гул и грохот возобновились с прежней силой.

– Вот. Ваш эль и сидр, – проговорила разносчица, выставляя кружки на стол искателям приключений.

Все расхватили свои кружки и, не отрываясь, до дна осушили их. Прозвучал довольный вздох.

– Как хорошо! – с намёком на улыбку произнёс парень в кольчуге.

– Вот теперь я ожил, – проговорил крепыш в кожаной броне.

– Давайте уже есть. Я так голоден, что сейчас и кабана съем, – проговорил тощий парень.

– Тром, дело говоришь! Криса, кабан говоришь, есть? – посмотрел на разносчицу парень в кольчуге и приподнял бровь. – Вкусный, хотя бы?

– Обижаете, господин Брунт. Когда это у нас была плохая еда? – проговорила подавальщица, оперев руки в боки.

– Да понял я, понял. Давай сюда вашего кабана. Посмотрим, так ли он хорош.

И Криса убежала на кухню. Оттуда донёсся звук разгорающихся углей. Видимо, повар поддал жару. Кабан был фирменным блюдом заведения. А главное, его всегда готовили по новому рецепту. Повар таверны вечно экспериментировал и пробовал что-то новое. Но всегда получалось вкусно. У него было на это чутьё. Да что там говорить, само заведение называлось «Вечный кабан». И всегда, когда бы ты ни пришёл сюда, тебе подадут пиво, эль, хлеб и мясо кабана. А всё остальное уже было опционально. Хозяин таверны очень гордился таким подходом. Завсегдатаям тоже нравилось.

– Интересно, что на этот раз придумает Облииск? Как думаете? С чем будет сегодня кабан? – спросил здоровяк.

– Не знаю, Зиз, но надеюсь, что-нибудь сладкое. До сих пор помню его кабана в меду, – зажмурившись и улыбаясь, проговорила Миса.

– И сразил он троо... – пропел бард, но вдруг закашлялся, покосился в сторону кухни и продолжил, немного сорвавшись на фальцет, – поразил он огра. И вознёс молитву...

Вечер шёл своим чередом. Чудные запахи печёного кабана разносились по залу. И вот наконец показалась Криса с блюдом в руках.

– Вот! Сегодня Облииск особенно постарался. Вы будете удивлены! – с довольным лицом произнесла девушка и поставила блюдо на стол.

– НЕЕЕТ! – прозвучал хоровой выкрик. – Убери его! Переделай!

В зале стало тише, все ближайшие столики обернулись на шум. Впервые такое – местного кабана кто-то не принял. Всем стало интересно, к чему же всё это приведёт?

– Эй! Что тут не так? – с ошеломлением спросила Криса.

От её вопроса у Зиза дёрнулся глаз. А Брунт спрятал лицо в ладонях и тихо запричитал. Магиня похлопала его по плечу.

– Ну, ну. Успокойся. Всё хорошо.

На столе перед ними стоял запечённый кабан. Он был обвит виноградной лозой, и на пятке у него ярко красовался большой розовый цветок. По краям он был выложен крупными лопухами.

– Они издеваются над нами! Кто им рассказал? – прохныкал Брунт.

– Да что произошло-то? – с недоумением произнесла Криса.

– Произошёл цветааан, – с надрывом произнёс Тром.

И тут Миса вскочила с ног и произнесла:

– Пусть меняет!

– В смысле меняет? – спросила разносчица.

– Да это же издевательство. Сначала мы нарываемся на цветана. Потом цветаан с Брунтом такоооо сделал. Он, он...

– Миса! Заткнись! – прервал её здоровяк.

Брунт после этих слов почти разрыдался.

– Блииин. Теперь мне ещё интереснее, что там произошло, – пробормотала Криса.

– Меняй, говорю. – злобно зыркнула Миса.

– Ну уж нет, ваши события – не наша вина. – уперла руки в боки Криса.

– Это намеренная насмешка и давление на больное. – упорствовала магиня.

– С чего бы вдруг? – Криса и не собиралась ей уступать.

– Я ж говорю, цветаан Брунта...

Хаос в зале лишь нарастал. Ближайшие столики уже превратились в любопытствующих зрителей. Дальняя часть зала, похоже, имела свою атмосферу.

– АААА! ХНЫК ХНЫК! – послышалось со стороны нашего стола.

– Вот видишь, до чего ты его довела?

– Я? Это ты всё время начинаешь про него говорить.

– Заткнитесь, вы обе! – попытался их урезонить Зиз.

– А ты не встревай! – хором рявкнули девушки, одновременно посмотрев на него. И Зизу пришлось отступить на укрепленные позиции.

Перепалка по популярности уже могла потягаться с выступлением барда. Мису тут знали, но и Крису уважали. Шоу набирало обороты.

– Я? Я!?

– МАМААА! Я не хочуууу!

– О! Интересно, что с ним сделал цветаан?

– Ну, говорят, что пыльца цветанов...

– Стебли, стебли у них...

– Я вам ведь верил!

– ВЫПЬЕМ ЗА!

– И копьё он поднял, и взмахнул им он вбок...

– Ля-ля-ля!

– И не буду я вам ничего менять!

– Я буду жаловаться!

Привычный гул уже перерос в настоящий хаос. Спонтанно стали образовываться очаги своих интересов. Буйная парочка снова сцепилась, и Грабт уже схватился за лавку.

– ЗАТКНУЛИСЬ! ВСЕ! СИЮ СЕКУНДУ! – проревел громopodobный бас, от которого шторка вмиг вознеслась к потолку.

И наступила тишина. Этот вечер ещё долго вспоминали в местной таверне. Драки, увы, так и не случилось, хоть многие и хотели. Бард уже не пел, а сидел в обнимку с пивом и что-то записывал на пергамент. Впрочем, ничего нового для таверны не произошло. Типичный вечер рабочего дня. А те авантюристы? Ну, больше они ни разу не ходили в «Вечного кабана». История их приключения так и не была рассказана. Событие же с цветаном так и осталось легендой, сокрытой под вуалью тайны. Народ быстро забыл происшествие. На другой день уже совсем другие авантюристы коротали в таверне свой вечер. Облииск всё так же продолжал свои эксперименты, не обращая ни на кого внимания. И лишь местный бард написал фанфик с версией тех событий в силу своей бардской фантазии, но это уже совсем другая история.

Взгляд тишины

«Ну что, Мистиус, последний штрих. Архив, и тогда можно будет отдохнуть, растянуться в любимом кресле гостиной». Я перехватил трость, ощущая смену баланса. Под тонкой подошвой сапог булыжники складывались в знакомый узор. Эта мостовая была словно текст, словно послание на старом листе; ее неровный ритм вел меня вернее любой карты. Три шага, небольшой уклон – вот и поворот. Запах жареных каштанов сменился влажным, каменным дыханием переулка. Еще пара шагов, и трость уперлась во что-то мягкое, издав глухой стук. Мешок с мусором. Снова они... Я обошел его, ведя тростью по стене, где шершавый кирпич переходил в гладкие, холодные плиты архивного фасада. Кажется, я пришел. Несколько шагов вперед, поворот на девяносто градусов – и широкие ступени наверх. Одна, две, пять... двадцать. Я на месте. Рука протянулась вперед и уверенно взялась за большую, отполированную до гладкости толстую деревянную ручку.

Я потянул на себя массивную дверь, и ее полотно легко поддалось навстречу. Шагнул вперед, вместе с потоком ветра, втянувшимся в строение. Воздух внутри был иным – прохладным, неподвижным и густым, пропахшим вековой пылью, камнем и старинной кожей переплетов.

«Привет, Мак, я в архив», – прошептал я в сторону знакомого стула в нише, откуда доносилось тихое, мерное посапывание. Старик снова уснул, но наш ритуал был соблюден.

И вот я внутри. Никогда не перестану поражаться величию этого здания. Стукнул тростью о пол – и эхо вернулось ко мне. Холл был огромен, величественен и стар. Две широкие лестницы изгибом уходили вверх. Вправо и влево расходились просторные коридоры с рядом дверей. В центре, меж двух лестниц, стояла статуя писаря со свитком. Я запомнил ее еще с тех времен, когда мои глаза были при мне. Возможно, это место и его содержимое помнят еще прошлую эпоху. Проникся, пора двигаться дальше. Мои шаги по каменным плитам рождали эхо, которое уползало ввысь, наткнулось на где-то там, в темноте, висящие балки и галереи и возвращалось ко мне уменьшенным, но все еще объемным.

Я повернул налево, сделал несколько шагов вперед. Трость отыскала знакомый ориентир – вторую дубовую дверь от основания лестницы. Ручка, холодная, из бронзы. Потянул ее на себя, и дверь тихо отворилась. В здании в принципе не было скрипучих дверей. Местный завхоз знал свое дело.

Воздух в архивном зале был гуще, чем в холле, – здесь пыль пахла не просто камнем, а конкретно: выцветшими чернилами, потертой кожей и сладковатым духом ветхости. Я сделал несколько шагов вперед, и пол под ногами сменился с каменного на плотно подогнанный дубовый паркет.

– О, Хивар, еще на посту? – направил я голос в ту сторону, где должна была быть его стойка. Это был именно его запах. Хвойный, с нотками cedры шампунь – классический аромат следящего за собой мужчины. И дымок свечей с добавлением шалфея и розмарина. Хивар верил, что этот запах помогает концентрироваться на работе. И использовал их только он.

Ответом мне стал глухой стук положенной на стол стопки книг.

– Мистиус? Снова ты? – голос хранителя был ровным, но я уловил в нем легкую ноту усталого раздражения. – Я как раз собирался. Архив закрывается.

– Мое дело не займет много времени, старый друг. Выручи в последний раз сегодня.

Он тяжело вздохнул. В тишине зала этот звук был красноречивее любых слов. Пришлось потянуться в карман и достать оттуда мешочек. Я знал, он любит эти орешки в обсыпке. Всегда ношу их с собой – сам их люблю. К тому же ими так удобно подкупать местных детишек, когда нужно узнать информацию. Сладкие и хрустящие, с отличной структурой. Эх, пришлось отдать последний запас.

– Ладно, – пробормотал Хивар своим фирменным ворчливым тоном. Но орешки забрал. – Что у тебя? Надеюсь, ненадолго?

Я протянул сложенный листок. Бумага хрустнула в его пальцах.

– Вот, посмотри, что сможешь найти на этого человека. Очень прошу. С меня должок.

Наступила тишина, нарушаемая лишь тихим постукиванием его пальца по дереву. Он взвешивал.

– Должок, говоришь? – наконец произнес он, и я услышал, как разворачивается листок. – Подожди на кресле в углу. Сейчас посмотрю. Десять минут.

Я устроился в кожаном кресле в углу, позволив скрипучей старой коже принять знакомую форму. Ну вот, сейчас все закончится. Попрошу сделать копию – и наконец-то домой. Надеюсь, Крис еще не удрал, заждался, наверное. Суну ему этот листок – пусть прочтет, пока нить не ускользнула. А там... а там мое кресло-трон у камина, пусть и холодного, тишина квартиры, скрип половицы, мой мир – собственный, и долгий, неторопливый вечер, который никто не прервет. Обязательно внесу заметки в блокнот, проведу подушечками пальцев по шершавой бумаге, по выдавленным шипом символам, восстановлю узор мыслей, как раскладывают пасьянс... Планы и мысли совсем овладели мной. Пришлось снова успокаивать этот хаос в голове. Что-то я разошелся. Верный признак, что сегодня пора отдыхать. Сегодня выдался крайне тяжелый день.

Мои внутренние часы ни разу меня не подводили. Это странно... прошло пятнадцать минут. Потом двадцать. Я перестал мечтать о кресле и начал слушать. Тишина в зале была густой, тяжелой, как болотная вода. Лишь треск фитиля на стойке Хивара отдавался в ней оглушительно громко. Ни шороха переворачиваемой страницы, ни скрипа его стула, ни шагов по паркету. Ничего.

Я нахмурился, сжав рукоять трости. Хивар мог ворчать и брюзжать, но он был точен, как часовой механизм. Его «десять минут» всегда длились десять минут. Что там случилось?

Тишина затягивалась, и с каждой очередной минутой она становилась все более... неестественной. Что-то здесь было не так. Что-то было совсем не так.

Я встал и осторожно приблизился к стойке.

– Хивар? – громко позвал я.

Но в ответ – тишина. Ни звука, ни шороха. Полная тишина.

– Хивар, ты тут? – крикнул я громче. Но он молчал. – Хивар, мне не смешно!

Это было странно. Он же явно спешил уйти. Я не понимаю. Что-то пошло не по плану.

Мысль была кошунственной, словно святотатство. Переступить через этот барьер. Войти в святая святых, в сердце архива, куда нет хода посторонним. Каждая клетка моего тела была против. Нельзя, просто нельзя переступать чужие границы. Так я всегда говорил себе. Но та тишина, что висела сейчас в зале, была куда большим нарушением порядка. Возможно, с Хиваром что-то случилось. Может, он рухнул с лестницы-стремянки и лежит без сознания. Или того хуже.

– Хивар, прошу, ответь! Я иду к тебе! – крикнул я в последний раз, и мой голос безнадежно утонул в бархатной, поглощающей все бездне. Ответа не последовало.

– Просто прекрасно, – прошептал себе под нос.

Сжав зубы, я положил трость на стойку, нашел упор, поймал баланс и, собравшись, неловко перескочил через препятствие. Староват я уже для этого. Не два десятка, поди. Паркет под ногами сменился на иной, более жесткий. Я замер, пытаюсь перестроить свою ментальную карту. Если главный зал был величественной пещерой, то теперь я оказался в запутанных джунглях, в лабиринте из стеллажей. Я стукнул тростью об пол, послав в темноту короткий звуковой импульс. Эхо вернулось ко мне нешироким, ближним проходом, ограниченным с двух сторон высокими, плотно заставленными стеллажами. Щелкнул языком, чтобы понять близкие детали. Лишь стеллажи. Дальше звук терялся, поглощенный стенами из бумаги и дерева,

бесчисленными мягкими поверхностями, пожирившими каждый мой шаг. Я был как летучая мышь, заблудившаяся в кустах.

И тогда, поверх запаха пыли и старой бумаги, я уловил его. Слабый, но отчетливый, висящий в неподвижном воздухе, как ядовитая нить. Железный, острый, неоспоримый. Тот самый запах. Словно медяшку лизнул. Ледяной ком сжался у меня под ложечкой. Я был прав. Хивару нужна помощь. Срочно.

Сердце заколотилось, сбивая внутренний ритм, по которому я жил. Подняв трость, я принялся осторожно простукивать пространство перед собой, делая мелкие, скользящие шаги, будто боялся разбудить спящего зверя. Каждый новый щелчок очерчивал лишь жалкий, трехшаговый участок пути, за которым снова смыкалась непроглядная, беззвучная тьма. Я был кротом, слепым и беспомощным, попавшим вдруг в каменный подвал и искавшим проход. Ведомый лишь зовом чужой беды.

Я двинулся вперед, ведя тростью по полу, как щупом. Каждый удар отдавался в костяшках пальцев – вот камень, вот стык между плитами. Мозг, наученный многолетней практикой, отчаянно строил карту: «Пять шагов прямо. Стеллаж слева, его угол. Поворот направо. Десять шагов по коридору...» Я мысленно чертил линии, ставил вехи. Но с каждым новым поворотом уверенность таяла. Все здесь было слишком одинаковым. И даже звуки начали мне изменять.

Здесь должен был быть конец прохода. Но вместо стены трость звякала об очередной торец полка, открывая новый проход. Звук моего щелчка возвращался искаженным, будто пространство за спиной смыкалось и менялось. Этот проклятый лабиринт был живым, он дышал, перестраивался, подставлял под ноги то мелкую ступеньку, то порог, которых не могло быть. Я остановился, пытаюсь отдышаться. В ушах стучала кровь, сбивая внутренний счет. Паника, холодная и липкая, подползла к горлу. Я представил себя навеки заживо погребенным в этой каменной утробе, муравьем, который будет ползать по одним и тем же проходам, пока не умрет. Ведь он потерял тропу.

«Соберись! – рывком выпрямил я спину, сжав трость так, что пальцы заболели. – Ты не муравей. Ты – картограф. Продолжай рисовать». Я заставил себя сделать глубокий вдох.

Продолжил свой путь. Наконец, в углу нахожу рабочее место архивариуса. На столе лежит лист бумаги и перо. Он явно что-то писал. Возможно, это поможет его найти. Беру лист в руки, ощупываю. Плотный, грубый – самая распространенная в королевстве бумага. Буквы глубоко вдавлены в нее, слава всем писарям, их тяжкий труд заставляет руку отяжелеть и вдавливать перо сильнее нужного.

Провожу пальцами по листу. Одно слово сверху – заглавие? После – отступ и несколько строк, видимо, основной текст. Верхнее слово небольшое, примерно шесть букв. Первая – заглавная и самая четкая. «Д». Потом что-то невнятное, но чувствуется «К» и еще одна «Д» в конце. «Доклад»?

Перехожу к тексту. Несколько слов. Сначала прошупываю длину, пытаюсь составить схему. Потом выискиваю яркие, хорошо пропечатавшиеся буквы. Узнаю лишь отрывочные фрагменты. Не дело.

Откручиваю ручку трости, достаю «Теневого чтеца» – специальную тонкую проволочку, заказанную как раз на такой случай. Провожу ею по тексту без нажима, улавливая вибрацию там, где буквы вдавили бумагу. Очень нежно, очень аккуратно. Так удается уточнить еще несколько слов. Остальное приходится додумывать по длине и смыслу.

«Доклад. Прошу проверить подвал... сдох... это уже невыносимо... я должен принять меры.» И подпись – «Хивар».

Возможно, его стоит искать в подвале? Но где этот подвал?

Прячу инструмент обратно. Трость в руки и снова продолжаю идти.

И он снова был там. Тот самый запах. Теперь ярче, почти осязаемый. Он висел в воздухе не просто нитью, а целой ветвью, пронизывающей лабиринт. Железистый, тяжелый, зовущий.

Он был уже не просто ориентиром, а угрозой, обещанием того, что я так боялся найти. Но деваться было некуда. Я пошел на этот запах, как приговоренный на эшафот.

И вот трость, описав дугу, не встретила очередного барьера из стеллажей. Она ушла в пустоту. Я замер, послав вперед шелчок. Эхо не вернулось с привычной стеной. Оно улетело вниз, в сырую, холодную бездну, и вернулось снизу, слабым, затухающим шепотом. Я сделал осторожный шаг вперед, протянул руку. Пальцы наткнулись на массивный, шершавый парапет. За ним – пустота и поток затхлого, ледяного воздуха, шедшего снизу. Лестница. Ведшая вниз. И с этой лестницы, из черной глотки подземелья, этот железистый, сладковатый ужас поднимался прямо на меня, заполняя легкие, заставляя кровь пульсировать в висках. Я нашел дорогу. И теперь я боялся сделать следующий шаг.

Придется спускаться. Прижимаюсь к холодной, шершавой стене. Ступени предательски меняли высоту и ширину, словно их намеренно тесали так. Каждый шаг приходилось ощупывать тростью, а затем с осторожностью переносить на нее вес. Лестница закручивалась винтом, и в ее тесном горле я чувствовал лицом тепло редких свечей, горевших в нишах. Их жар был единственным островком реальности в этом сыром холоде.

Запах. Мерзкий и зловонный. Снизу поднималась невыносимая вонь. Почему я раньше не чувствовал ее? Это же не нормально. Запах гнили. Пришлось прикрывать нос рукавом. Спустившись на несколько витков, я почувствовал, как ботинок скользнул по чему-то вязкому на ступени. Я присел, протянув руку, и пальцы погрузились во что-то холодное, студенистое, не поддающееся определению. Я мог бы попробовать понюхать это, но жуткая вонь попросту перебивала все.

Я попытался двинуться дальше, но через пару шагов трость с глухим лязгом уперлась в преграду. Я провел по ней ладонью – кованая решетка, тяжелая, с частыми прутьями, намертво вделанная в камень. Путь вниз был закрыт. Хивара здесь не было. Оставаться в этой вонючке не было сил.

Я развернулся и начал карабкаться наверх, цепляясь за стену, уже не стараясь быть тихим. И вот, когда до выхода оставалось несколько ступеней, я почувствовал его – порыв ледяного ветра в спину. За ним раздался тихий, медленный, скрипящий звук. Тягучий, как растягиваемый металл. Тот самый звук, что я слышал внизу. И тут же тепло свечи у моего лица исчезло, словно ее кто-то задул. Больше я ничего не соображал.

Выпрыгиваю из пролета на пол зала и, не разбирая дороги, отползаю от черного отверстия в полу, прижимаясь спиной к холодному парапету. Сердце колотилось так, что, казалось, вырвется из груди. Сажусь, вслушиваясь в тишину, доносящуюся из лестничного пролета, и пытаюсь понять, что это было?

Сердце колотится так сильно, что мешает дышать. Надо успокоиться. Не помогает. В ушах звенит от тишины. Или нет? Сквозь этот звон пробивается едва уловимый звук. Тихие, мокрые шлепки по каменным ступеням лестницы. Так тихо, что кажется, будто это эхо собственного пульса. Но нет. Это не эхо. Оно слишком... ритмичное.

Ждать нельзя.

Рывок с места. Ноги подкашиваются, но тело само несется вперед, к спасительной щели между стеллажами. Влетаю в проход, отскакиваю плечом от полки, разворачиваюсь, бегу по памяти: первый поворот направо, потом два левых... И упираюсь лбом в твердое. Руки нашупывают не пустоту, а грубые корешки книг. Тупик? Этого не может быть. Этот проход точно вел к выходу. Я ведь помню!

Паника, холодная и стремительная, подкашивает ноги. Спиной чувствую пустоту зала. И снова слышу. Теперь уже не с лестницы. Прямо здесь, в зале. Тихие, мягкие шаги по паркету. Не твердый стук каблука, а прилипающий, влажный звук, будто что-то большое, но мягкое переставляет лапы. Оно движется. Сюда.

Разум отключается. Тело прижимается к полу, само заползает под нижнюю полку, в узкую щель, забитую паутиной и острой стружкой. Древоточцы и книжные черви насыпали здесь барханы пыли, она лезет в дыхательные пути. Всеми силами стараюсь не чихнуть, зажимаю нос. Вжимаюсь в пол, стараясь стать плоским, невидимым. Замираю.

Шлепки. Они уже по другую сторону деревянной стенки. В сантиметрах. Затихают. Слышно, как скрипят суставы. Тихий, влажный звук, будто старая кожа трется о старую кожу. Оно наклоняется. Теплый, затхлый воздух проходит сквозь щели между книгами и касается затылка. Останавливается. Дыхание. Медленное, глубокое, свистящее. Прямо над головой. Каждый волосок на шее встает дыбом. Двинуться – значит выдать себя. Значит смерть. Задерживаю дыхание и даже сердце пытаюсь остановить. Ни звука! Почему оно так громко бьется!? Прекрати! ЗАМОЛЧИ!

Мышцы сковало. Тело одеревенело. Чувствую, словно сам становлюсь деревом полки, словно лежу на ней как старинный фолиант. Проходит секунда. Другая. Дыхания уже нет, оно исчезло. Словно и не было его. Словно сквозняк.

И опять... тишина. Полная, абсолютная. Ни шагов. Ни скрипа. Даже дыхания нет. Так же внезапно, как и появилось, все пропало. Только в висках стучит кровь. И очень громко в груди колотится сердце. Выдыхаю и только сейчас осознаю – все это время не дышал.

Где-то в другом конце зала, метрах в двадцати, раздается короткий, сухой щелчок. Потом еще один. Словно костяная палочка стучит о камень. Оно слепо. Оно так же, как и я, слушает.

Этот звук выдергивает из ступора. Выскальзываю из-под полки, не вставая, ползу на четвереньках, потом пригибаюсь почти к земле, двигаясь от звука щелчков, в противоположную сторону. Руки скользят по полу, натываясь на ножки стульев, пыльные углы. Дышу ртом, пытаюсь заглушить хрип. Вот он, проход! Вскрываю и бегу, не разбирая дороги, пока грудь не ударится о знакомую резьбу дубовой двери. Вываливаюсь в холл, за мной слышится последний, одинокий щелчок где-то вблизи. Оно слушало. Все это время слушало. Оно приближалось и почти нагнало меня!

Дверь так и осталась запертой. Стою, прислушиваюсь, но из-за толщины дуба не доносится ничего. Ни щелчков, ни шороха, ни того мерзкого влажного дыхания. Лишь отголоски паники, все еще бегущие по нервам. Возвращаться туда одному – чистое безумие. Нужны люди. Мак, стража, кто угодно.

Выскальзываю в коридор. И снова проклятая тишина. Будто само здание затаило дыхание. «Мак?» – бросаю имя в пространство, и оно гаснет, не встретив ни отклика, ни знакомого старческого похрапывания. Подхожу к его нише, рука нащупывает кожаную обивку его стула. Она холодная, продавленная, но пустая. Словно он встал и пропал.

И тут уже ничто не может меня удержать. Паника, слепая и всепоглощающая, выталкивает на улицу. Не бегу – почти лечу, трость отстукивает сумасшедшую дробь по бульжнику, ноги сами несут по знакомому маршруту, будто спасаясь от погони. Не чувствую вечерней прохлады – лишь колющий лицо ледяной поток. Дом. Дверь захлопывается, щелкают все засовы, один за другим. Спиной прижимаюсь к косяку, сердце выпрыгивает из груди, легкие горят.

И так проходит ночь. Всю ночь просиживаю в своем кресле-троне, сжимая верную трость до хруста в костяшках, «вглядываясь» в привычную, родную темноту своей гостиной и вслушиваясь в каждый шорох. Жду. Жду тихих щелчков из коридора. Жду влажного шлепка по половицам. Жду, что из-за спины, сквозь щель в книжном стеллаже, потянется тот самый теплый, затхлый воздух. Каждый скрип дома, каждый стук в водопроводе заставляет вздрагивать. Но ничего не происходит. Только тиканье часов и собственное, предательски громкое дыхание. Под утро, когда силы окончательно покидают, проваливаюсь в короткий, беспокойный сон, полный образов скрипящей кожи и студенистой массы на холодном камне.

Разбудил меня стук. И голос Криса. Открываю, все еще во власти ночного кошмара. Начинаю рассказывать ему, но обрываю себя.

А что, собственно, произошло?

Он молча слушает, но, не получив продолжения, смотрит на меня непонимающе. Отмахиваюсь рукой. Уже днем, твердо заявляю ему: «Идем». Он проводит меня до самых дверей архива. «Мне подождать снаружи?» – говорит он, и его спокойное присутствие придает чуть больше храбрости, чтобы снова толкнуть эту тяжелую дверь.

Тот же спертый воздух, пропахший пылью и временем. И... тихое, мерное посапывание из ниши. Мак на своем месте, словно никогда и не вставал. Словно его исчезновение было лишь плодом моего расстроенного воображения. В архивном зале за стойкой – не Хивар. Молодой, бойкий голос, представившийся стажером, с подобострастной, но пустой интонацией сообщает, что все в полном порядке. На вопрос о Хиваре отмахивается: «Ему вчера к вечеру стало плохо, говорят, переутомился. Упал прямо здесь. Уборщик нашел его утром, еле в чувство привел. Отправили домой, на больничный. Отдыхать». Запах? «Да ерунда, – парирует он, – в подвале вентиляция засорилась, канализацией потянуло на нижние этажи. Служба уже все починила. А что?»

И все. Никаких следов. Только разумное, неоспоримо логичное объяснение для каждого жуткого эпизода той ночи. Уборщик, вентиляция, обморок. Мир снова встал на свои места, аккуратно замазав трещину в реальности будничными предложениями.

Но пальцы до сих пор помнят ту студенистую, холодную жидкость на ступени. Кожа на затылке – призрачное тепло чужого дыхания. А в ушах, поверх уличного шума, внезапно и без причины отзывается тот самый, одинокий, сухой щелчок.

Так и проживу остаток дней, нося в себе эту неразрешимую загадку. Никогда не узнав, что же притаилось в темноте того вечера – настоящий, непостижимый ужас, навсегда оставшийся в тенях архива, или лишь порождение собственного, окончательно сломавшегося разума, которое с той ночи прочно и навсегда поселилось внутри.

В мире существ

Спокойная, мелодичная, узнаваемая музыка на фоне.

Добрый день, дорогие друзья. С вами снова Колинай Орлов. И вы, как всегда, на нашей программе «В мире существ».

Пауза.

Для тех, кто только начинает смотреть нашу передачу, напомним её суть: мы тихо, с уважением наблюдаем за повседневной жизнью самых разных обитателей нашего мира. Мы не даём оценок, мы просто изучаем их повадки и среду обитания.

На прошлой неделе мы с вами наблюдали за уникальным случаем адаптации горного тролля к городской среде. Помните того крупного самца, который демонстрировал поразительную ловкость в обращении с чугунной посудой в одном из придорожных заведений? Как выражается наш уважаемый продюсер, это был классический пример «успешного отавернивания». Очень интересный социальный эксперимент, согласитесь.

Но сегодня, дорогие друзья, мы переходим к наблюдениям за новыми существами, а точнее – к её самым, э-э-э, универсальным и адаптивным особям. Нам в руки попала запись самых что ни на есть настоящих зелёных гоблинов. И их внутренняя организация – это нечто удивительное. Сегодня мы вместе с вами проследим за тем, как они выживают в неестественной для них среде портового города Ньюстердам.

Итак, смотрим. Раннее утро. Туман ещё клубится над чёрной водой, но в их, э-э-э, лагере уже всюю идёт своя, особенная жизнь.

Вот, посмотрите, на набережной, среди ящиков и бухт верёвок, проснулась первая особь. Видите, как она, э-э-э, потягивается? Характерная зелёная спина на фоне серых камней. Это – разведчик. Его задача – проверить, безопасна ли территория, и, ну, оценить ближайшие возможности для, так сказать, пополнения запасов. О-о-о! Вы только посмотрите. Он достаёт спрятанную между ящиками чёрную куртку с металлическими шипами. Вероятно, так он хочет казаться, м-м-м, опаснее? Ходят слухи, что молодые особи мужского пола таким образом пытаются выгладеть, э-э-э, достойнее в глазах самочек.

А вот и другие. Осторожно, один за другим, они появляются из-под причала, где, судя по всему, и расположено их основное укрытие. Обратите внимание – не на шум или суету, а на почти бесшумную координацию. Каждый знает свою роль. Это не хаотичная толпа, дорогие друзья, это высокоорганизованная группа из четырёх существ.

Их взоры направлены туда, к докерам, которые начинают разгружать прибывшую ночью шхуну. Интересно, очень интересно. Неужели мы наблюдаем начало их, э-э-э, трудового дня? Или это что-то иное? Продолжим наблюдение через мгновение.

Так, так, так... Посмотрите. После короткого совещания вся группа приходит в движение. Они не идут, нет. Они перемещаются. Короткими, точными перебежками от одного укрытия к другому. Вот первый разведчик, в своей боевой куртке, скользнул за высокую бочку... за ним, выждав паузу, последовала вторая особь... и вот уже вся четвёрка, цепочкой, движется вдоль набережной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.